

ШАБЕС В. Я.

О ПРОЕКЦИИ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ НА ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ

1. Цельнооформленность означающего лингвистического знака до недавнего времени служила основным критерием при определении его синтагматических границ. Однако зависимость границ знака от сравнительно произвольных правил правописания, определение предложения как речевого знака, означаемым которого служит единичное событие [1, с. 308], или как «надзнака» [2, с. 35] ставит задачу поиска некоторых общих содержательных критериев для установления синтагматических границ единичных знаков разного уровня.

Преодоление «магии» формы выражения, выработка способов проекции содержательных единиц на план выражения [3, с. 13] наталкиваются на следующие трудности: 1) отсутствуют критерии автономного (не через форму выражения) выделения хотя бы основных содержательных единиц; 2) принципиально невозможно уйти от их фиксации в некоторой естественной или искусственной знаковой системе при лингвистическом описании.

Поиск лингвистических семантических определений основных содержательных единиц не дает положительных результатов: как правило, ведущим является формальный критерий (значение морфологическое, лексическое, синтаксическое, фразеологическое; значение словосочетания, предложения, высказывания и др.)¹.

Отдельные области гуманитарной науки (лингвистика, логика, психология и др.) имеют собственный уровень исследования объекта и исследовательский аппарат. В то же время единый, общий объект исследования предполагает нечеткость границ между данными областями, их «взаимоналожение».

С развитием семасиологии, психолингвистики, кибернетической лингвистики выход за традиционные рамки собственно лингвистики перестает быть чем-то экстраординарным. Представляется, что корректное использование обобщенных данных смежных с лингвистикой областей является продуктивным и оправданным.

2. В теоретических и экспериментальных работах по психологии отмечается тот факт, что в онтогенезе речи у ребенка исходной семантической (и семиотической) единицей является не значение слова или морфемы, а предложение и отражаемая референтная ситуация [5, с. 14]. Л. С. Выготский писал: «В развитии семантической стороны речи ребенок начинает с предложения и только позже переходит к овладению частными смысловыми единицами, значениями отдельных слов, расчлняя свою слитную, выраженную в однословном предложении мысль на ряд отдельных, связанных между собой словесных значений... Смысловая сторона речи идет в своем развитии от целого к части...» [6, с. 270].

В последнее время стремление опереться на некоторый более универсальный фундамент, лежащий за пределами лингвистики, приобрело ярко выраженный характер, особенно в области семантического синтаксиса, семиотики и теории текста. В. Г. Гак подчеркивает: «Полный знак: за-

¹ В. Г. Гак определил высказывание как «функциональную единицу, равновеликую предложению, но отличающуюся от последнего тем, что анализ этой единицы преследует цель не вскрыть ее общую абстрактную схему синтаксической организации, но показать, как она связана с ситуацией, какими средствами и как эта последняя описывается» [4, с. 352]. Другими словами, В. Г. Гак устанавливает здесь соответствие между ситуацией и означаемым предложения.

конечный продукт семиозиса, непосредственно соотносится с ситуацией (то есть обладает предикативностью), однозначен, референт полного знака объективен по отношению к данной знаковой системе» [7, с. 15]. Ч. Филлмор в одной из своих работ, посвященной проблеме глубинных падежей, провозглашает лозунг: «Значения обуславливаются ситуациями» [8, с. 497].

Что же такое ситуация? В. Г. Гак определяет ее как «отрезок, часть отражаемой в языке действительности, т. е. движущейся материи. В объективной реальности человеческое сознание выделяет прежде всего устойчивые элементы — материальные объекты-субстанции... Ситуация образуется в результате координации материальных объектов и их состояний. Существуют две общих формы такой координации: пространство и время» [4, с. 359].

Ч. Филлмор не дает определения ситуации и, оставаясь в рамках предложения, ограничивается анализом события, в котором фигурирует покупатель, продавец, деньги и товары, причем «... событие-прототип включает все эти элементы, но любое отдельное предложение, которое мы строим, когда описываем подобное событие, заставляет нас выбрать одну конкретную точку зрения на это событие (конкретную перспективу)... Например, если я хочу остановиться на перспективе продавца и товаров, я употребляю глагол *sell* „продавать“» [8, с. 518—519].

Можно ли считать, что означаемое предложения и событие (ситуация) находятся в одно-однозначном соответствии? Или событие содержательно всегда богаче означаемого предложения, о чем, по-видимому, должен свидетельствовать пример Ч. Филлмора?

Анализ публикаций зарубежных авторов (см. обзор в [9]) показывает, что событие, как правило, определяют формально-логически, через понятие изменения, которое, в свою очередь, включает понятие отрицания [9, с. 324]. Что касается исследований в области когнитивной психологии (см. обзор в [10]), то, по мнению Б. М. Величковского, «хотя различные события могут быть классифицированы, ... это практически белое пятно в исследованиях когнитивной психологии, посвященных преимущественно запоминанию списков слов и категориальной организации памяти» [10, с. 199].

3. При определении события представляется продуктивным обращение к категориальному аппарату диалектического материализма (см. определение ситуации у В. Г. Гака). Поскольку речь здесь должна идти об объективных явлениях реального мира в нашем сознании (и языке) в виде некоторых содержательных единиц, а философские категории, по Марксу, «это — существование, типическое во всем многообразии содержания» [12], с объектами на абстрактном уровне может рассматриваться как единство категориальных содержательных признаков. Как известно, к числу основных категорий диалектического материализма относятся материя, движение, время, пространство, качество и количество, причинность, необходимость и случайность и др. При этом между указанными категориями существуют сложные связи. Представляется правомерным рассматривать событие (в рамках системы отражения) как частный случай отражения в сознании одной из форм движения материи [ср. 13].

Под «дейтелем» будем понимать отражение в сознании некоторого дискретного единичного или множественного объекта материального мира, изменяющегося в пространстве и/или времени².

Под «действием» понимается определенное изменение «дейтеля» в пространстве и/или времени в зависимости от формы движения материи. Отсюда: под событием понимается отображенное в сознании единичное конкретное или обобщенное явление объективного мира, основными содержательными признаками которого являются «дейтель» и «действие», рассматриваемые как двуединство.

Неразрывная диалектическая связь материи и движения с пространством и временем, качеством и количеством и другими категориями позво-

² На абстрактном уровне в понятие «дейтель» включаются «агенса», «пациенса», «инструмент» и др.

ляет рассматривать событие как отдельную синтетическую единицу отражения со сложной многомерной структурой, ядром которой является двуединство признаков «деятель — действие» [ср. 6, с. 313].

Как известно, устойчивость (статика) по отношению к движению рассматривается в философии как категория, имеющая подчиненное, производное значение [13, с. 281], и может считаться одним из проявлений категории движения. Поэтому отражение в сознании статического состояния (положения) материального объекта (объектов) в пространстве в течение определенного интервала времени можно рассматривать как частный случай события. К числу статических событий можно отнести, например, отражение в сознании фиксированного положения в трехмерном пространстве одного или более материальных объектов, ориентированных относительно позиции наблюдателя или друг друга. Статическое событие связано причинно-следственными связями с ближайшими динамическими событиями в диахронной последовательности. Следует специально отметить то особое место, которое занимают в структуре события категориальные признаки «причина», «цель», «результат», «следствие», «условие», устанавливающие логическую взаимосвязь между двумя и более простыми событиями, упорядоченными во времени, и формирующие сложное событие нового уровня, которое мы будем именовать «ситуацией».

4. В отличие от события, под ситуацией понимается некоторое множество дискретных событий одного масштаба, упорядоченных во времени и соотносенных причинно-следственными связями. Как событие, так и ситуация имеют многомерную структуру. Одним из измерений (координат) события и ситуации является категория времени, что позволяет рассматривать эти единицы и как многомерные (деятель, действие, место, качество, количество, направление и т. д.), и как линейные (время, причина, следствие). В зависимости от степени дискретизации нашим сознанием одного и того же явления объективной действительности во временном континууме оно может рассматриваться и как событие, и как ситуация. В единичном событии данного масштаба (во времени), рассматриваемом как двуединство признаков «деятель — действие», может обобщаться некоторая последовательность более частных событий, причем каждое из них имеет собственный интервал времени в рамках данного общего интервала и, в свою очередь, может быть представлено в виде серии еще более дискретных событий. Приведем пример, показывающий иерархическое отношение «событие» — «ситуация». Событие *Он участвовал в Великой Отечественной войне* может быть представлено в виде упорядоченной во времени последовательности более дискретных событий, связанных причинно-следственными зависимостями. Такую последовательность в данном временном масштабе следует уже рассматривать как ситуацию (ср.: *Воевал под Москвой, участвовал в освобождении Харькова и Варшавы*). Каждое из отдельных событий данного уровня может быть представлено в виде более дискретной ситуации (вплоть до *он задержал дыхание и нажал на спусковой крючок*). Следует предположить, что при последовательном переходе от событий к ситуациям существует некоторый предельный масштаб. События этого уровня могут рассматриваться как элементарные; они не могут быть далее развернуты в ситуацию (ср.: *Она повернула голову, Дом стоит*) [11, 168—169].

5. Для конкретного лингвистического исследования соотношения события и формы его выражения в речи необходимо попытаться отыскать такой объективный прием, который позволил бы перейти от максимально обобщенной категориальной модели события к более частным и конкретным моделям с определением их содержательных границ. Путь от текста к смыслу приводит к расчленению цельных содержательных единиц типа событий; при таком пути в полной мере реализуется «магия» формы выражения, задающая языковую, идиоэтническую дискретизацию формы содержания.

Интерес к обратному пути исследования проявил уже Гумбольдт: «Так как назначение языка — служить выражением идей, то сравнение его с

идеальной областью, по-видимому, надобно бы начинать с понятий и от них переходить к словам..., выставив чисто-умственные категории, при первом покушении идти далее, замечаешь, что между самой ограниченной категорией и между понятием, как оно выражено формой слова, лежит непроходимая бездна» [14, с. 104].

6. Поиски экспериментального приема, позволяющего описать компонентный состав конкретного события и, тем самым, очертить его содержательные границы вне и до детерминирующих рамок связного текста, приводят нас к психолингвистическому эксперименту, представляющему уникальную возможность двинуться от содержания к форме, с последующим семасиологическим анализом его результатов.

В качестве примера приведем эксперимент с «торговым событием». Было интересно экспериментально определить, действительно ли такое событие содержит четыре компонента, выделяемые Ч. Филлмором, только ли эти компоненты, и какова вероятностная характеристика каждого компонента. Помимо этого, ставилась задача апробировать возможности экспериментальной методики для определения компонентного состава и содержательных границ события.

Эксперимент заключается в том, что испытуемым (52 студентам-филологам) предлагается записать предложение *Он купил это*, после чего дается следующая инструкция: «Вам необходимо детально выяснить, что произошло у предполагаемого собеседника. Поставьте письменно любое количество таких точных вопросов, ответы на которые давали бы вам полную картину происшедшего. Учтите, что вопросительные слова многозначны, особенно „как“, поэтому вопросы должны быть развернутыми». Время эксперимента не ограничивалось.

В результате эксперимента мы получили 781 вопрос. Все вопросы были вынесены на картотеку; вопросы, совпадающие на уровне плана выражения, сразу суммировались на одной карточке с указанием частоты встреч.

Далее картотека была подвергнута содержательному анализу с целью компрессии очевидно синонимичных текстов-вопросов. Такие вопросы, как «сколько он заплатил?», «почем он это купил?», «за сколько рублей он это купил?», «во сколько это ему обошлось?», «сколько он на это потратил?» и др., получили общую частотную характеристику.

Данная компрессированная картотека послужила исходным материалом для семасиологического анализа. Целью анализа было выявление возможных содержательных классов вопросов, а, значит, и классификационных семантических признаков, с учетом вероятностных характеристик (частот) признаков для каждого из выделяемых классов. С целью объективизации семантической схемы задание на классификационную обработку картотеки получили также восемь информантов. Сопоставление результатов классификаций показало, что событие имеет многомерную семантическую структуру. Приведем некоторые данные. Цифра в скобках указывает вероятность данного признака (отношение числа вопросов, объединяемых данным признаком, к общему числу вопросов, которое принимается за сумму всех событий, т. е. 1). Четыре компонента, выделяемые Ч. Филлмором, были выявлены и в результате эксперимента. Их общая вероятностная характеристика составляет всего (0,39), в том числе: «покупатель» (0,08), «продавец» (0,03), «деньги» (0,07), «товар» (0,20). Кроме этих признаков, эксперимент показывает высокие вероятностные характеристики для «места» события (0,10), «времени» события (0,12), «причинности» (0,13), «технологии» (способ, этапы и предметные условия реализации события) (0,16), эмотивно-оценочного компонента (0,04) и др. (0,01). Данная «грубая» многомерная структура не является единственной. То же множество вопросов отображает и динамику событий во времени. Оказалось, что имеется определенное количество вопросов, соотносимых с предшествующими либо последующими событиями, непосредственно связанными с данным. Другими словами, анализ вопросов показал набор признаков, отражающий как внутреннюю структуру события, так и его внешние ассоциативные связи, или эндо- и экзоструктуру события.

7. Однако одновременно возникла и новая проблема: каков же реальный содержательный объем события во времени? Можно ли с уверенностью ограничить начало события, например, моментом появления покупателя в магазине (на рынке) или моментом передачи денег продавцу (кассиру)?

Суть проведенного нами дополнительного психолингвистического эксперимента состоит в том, что испытуемым предлагается «хроника торгового события», выраженная упорядоченной последовательностью предложений, обозначающих ситуацию «торгового события», т. е. последовательность событий меньшей размерности во времени, входящих в объем «торгового события». (Например: *Покупатель просит показать ему шапку. Продавец берет шапку. Продавец протягивает шапку покупателю. Покупатель берет шапку...* и т. д. Такая «хроника» была построена для «торгового события» «Приобретение шапки в универмаге»). Главной особенностью «хроники» является то, что изложение начинается с момента, явно и значительно предшествующего собственно «торговому событию», и завершается моментом использования покупки по назначению. «Хроника» содержит 30 предложений. Все предложения пронумерованы.

В задачу испытуемых (98 чел.) входило: а) прослушать описание «торгового события»; б) письменно указать при повторном чтении описания (с указанием номеров предложений) те номера, которые обозначают, по их мнению, начало и завершение торгового события. Обработка данных состояла в определении количества встреч того или иного номера предложения «хроники» в качестве «начала» либо «конца» события. Простейшим показателем нечеткости границ события является количество р а з н ы х номеров предложений, отмеченных информантами в качестве «начала» либо «конца» события (для более точных вычислений необходимо, по-видимому, учитывать степень равномерности распределения частот).

Результаты эксперимента кратко можно сформулировать следующим образом:

1) поскольку границы «торгового события» оказались дисперсными (нечеткими множествами), то и само событие выступает в качестве нечеткого множества; данный результат позволяет усомниться в правомерности одностороннего увлечения некоторых исследователей формально-логическим анализом;

2) «степень нечеткости», грубо определяемая количеством разных номеров, отмеченных информантами в качестве «начала» либо «конца» события, показывает примерно вдвое большую степень «размытости» «начала» данного события по сравнению с «концом»³;

3) операции по «сгущению» нечетких множеств позволяют схематически определить логико-семантические рамки анализируемого события моментами объединения и разъединения в «пространстве» и «времени» «покупателя», «продавца», «денег» и «товара» [15].

8. Полученные данные позволили вернуться к дальнейшей обработке результатов основного эксперимента. Оказалось, что вопросы, вписывающиеся в рамки эндоструктуры данного события, имеют вероятность (0,69), экзоструктуры — соответственно — (0,31), причем вопросы по предшествующим событиям — (0,11), а по последующим — (0,20)⁴.

Полученные частные значения для признаков «время», «причинность» и «эмотивность» таковы:

1) время (0,12); в том числе момент покупки (точка) — (0,07), продолжительность торгового события — (0,03), продолжительность предшествующих событий (с момента возникновения желания приобрести, с начала поисков нужной вещи, с начала продажи этого товара и др.) — (0,015), продолжительность последующих событий — (0,005);

³ Сознавая, что в исходной «хронике» невозможно было добиться совершенно равномерного «шага» дискретизации события, мы сочли возможным при анализе вероятностных характеристик исключить из рассмотрения «шаги» с нулевой вероятностью и немногочисленные «шаги» с вероятностью ниже 0,03.

⁴ Отметим, что результаты трех экспериментов с другими подобными событиями, описание которых не входит в задачи данной статьи, показывают примерно такое же соотношение ретро- и проспективных экзоструктурных связей — 1 : 2.

2) причинность — (0,18), в том числе причина события (связь с предшествующими событиями) — (0,06), цель события (связь с последующими событиями) — (0,12);

3) эмотивно-оценочный компонент — (0,04), в том числе эмоций до начала события (0,005), эмоций в процессе покупки — (0,005), оценка эмоционального состояния покупателя после покупки — (0,03).

Аналогичные эксперименты, в которых принимало участие до 92 испытуемых, были проведены с использованием других стимулов, в частности, «это произошло», «он ее обидел», «он засмеялся», «дом стоит», «они уснули», «ветрено», «он купил новую кроличью зимнюю шапку коричневого цвета, пушистую и красивую, 57 размера»⁵ и др.

Полученные данные свидетельствуют о принципиальной возможности построения вероятностно-семантической модели некоторого частного события на базе психолингвистического эксперимента с использованием вопросов (содержащих, наряду с категориальными, и более конкретные семантические признаки) вне и до развернутого высказывания. Вероятностные характеристики позволяют оценить степень обязательности вхождения того или иного признака в состав модели конкретного типа события; многие неядерные признаки разных событий имеют либо достаточно высокую, либо нулевую вероятность.

Анализ данных показывает также, что структурированный набор содержательных признаков вместе с их вероятностными характеристиками, по-видимому, представляет собой экстралингвистическую семантическую модель, соотносимую с областью так называемой «семантики отражения». Об этом свидетельствует и нулевая вероятность вопросов типа *искал ли он магазин, где товары продаются по низким (высоким) ценам?*, *ждал ли он распродажи?*, *торговался ли он в магазине?* (эксперимент «торговое событие»), вполне допустимых и вероятных в иной социальной среде.

9. Обозначение единичного события предложением на ранних стадиях семиотического онтогенеза позволяет ребенку вычленить событие из нерелевантного информационного «фона». Членимость (членораздельность) предложения (и речи в целом) создает предпосылки к первичной дискретизации отражаемой ребенком синкретичной ситуации и перехода к классам и категориям. Понятно, что этот процесс предполагает обозначение различных, но сходных отображаемых событий различными, по сходным означающими — предложениями. «Овладение языком ускоряет процесс образования классов и рано или поздно способствует передаче коллективно выработанных классификаций» [16, с. 13].

Второй основной содержательной единицей (по времени формирования в семиотическом онтогенезе) является концепт. Под концептом понимается дискретный элемент отображаемого события (предмет, действие, качество, количество — интенсивность, время, пространство и др.), как десигнативного, так и денотативного уровня. Поскольку формирование концепта предполагает отвлечение некоторого набора признаков из события (ряда сходных событий), теоретически даже максимально конкретный концепт находится уже на более высоком уровне обобщения, чем отражаемое референтное событие. Следует отметить, что концепт сохраняет связи с исходными событиями, о чем свидетельствуют, в частности, функциональные признаки предметного концепта и предметные признаки концепта-действия (ср. *птица* и *летать*).

В психологии терминами «ощущение», «восприятие», «представление» и «понятие» обычно обозначаются как единицы, так и уровни отражения. При этом на разных уровнях анализируются, как правило, концептуальные, а не событийные единицы. Можно ли говорить о том, что событие, как и концепт, может рассматриваться на различных уровнях обобщения в системе отражения? На данный вопрос, по нашему мнению, следует дать утвердительный ответ. Другими словами, мы полагаем, что отражаемые

⁵ С введением в стимул развернутой номинации «товара» его вероятностная характеристика в эндоструктуре падает в три раза. В то же время происходит увеличение вероятностей компонентов экзоструктуры. Однако данная тема нуждается в специальном обсуждении.

референтные события не только служат «исходным материалом» для формирования системы концептов, но и сами обобщаются, типизируются на базе последних до уровня логико-семантических структур, позволяющих различать, в частности, реальные/нереальные (ложные, фантастические и т. п.) события и ситуации, например, в высказываниях, мультипликационных фильмах и т. п. При таком подходе появляется возможность рассматривать не только концепт, но и событие на различных уровнях системы отражения, от конкретного, чувственно воспринимаемого события до абстрактного (понятийного) «нечто происходит».

10. Кратко изложив возможную семантическую интерпретацию основных единиц отражения, рассмотрим теперь возможные способы проекции концепта и события (с учетом уровня обобщения) на план выражения, обращая внимание на зависимость между типом содержательной единицы и лингвистическими характеристиками ее означающего. Для решения данной задачи следовало отыскать корректный исследовательский прием, обеспечивающий объективность и надежность получаемых данных при реализации стратегии «от содержания к форме». Поиски такого приема вновь привели нас к психолингвистическому эксперименту, основанному на вербализации некоторого, единого для всех участников эксперимента, содержательного объекта (концепта, события). Испытуемым, взрослым носителям русского языка, студентам-филологам в количестве 73 человек было предложено дать (письменно) максимально точное и полное фактографическое описание: а) одного и того же чувственно воспринимаемого статичного референта (словесный портрет женского лица); б) стандартного общеизвестного процесса (приготовление простейшего блюда). Лимит времени не вводился. Эксперимент проводился в несколько этапов. В конце каждого этапа мы просили испытуемых указать трудности, с которыми они столкнулись, выполняя то или иное задание, а также озаглавить, если это возможно, отдельные части (абзацы, фрагменты) созданных ими описаний. Кроме того, для предварительного анализа возможности сопоставления вероятностно-семантической модели события с письменным высказыванием был проведен дополнительный эксперимент, в котором приняли участие 36 информантов, ранее к экспериментам не привлекавшихся. Им было дано следующее простое задание, допускающее большую вариативность результатов: «Опишите любое торговое событие, в котором вы выступили бы в качестве покупателя».

11. При планировании эксперимента со знаком-концептом мы исходили из следующих предпосылок: 1) единый материальный объект (референт) внешнего мира, данный в ощущениях, обеспечивает максимальное сходство концептов-денотатов в системах отражения испытуемых; предварительное определение концепта-десигната «лицо» показало, что на обобщенном уровне все испытуемые дают весьма сходные дефиниции; 2) сходство (эквивалентность) концептов-денотатов позволяет считать все получаемые описания синонимичными фракционными знаками, выделенными по общему отраженному референту, т. е. содержательному критерию, вне зависимости от синтагматической длины их означающего; 3) полученные описания возможно подвергнуть лингвистическому анализу с целью поиска инвариантных и варьирующих структур и элементов.

При обработке материалов эксперимента оказалось, что средняя длина означающего (в словоформах) — 63,3. 82% описаний содержат от 30 до 60 словоформ. Для установления закономерностей логико-семантической структуры данного текста [17, с. 32—42] мы обозначили существительные-означающие частей целого (лица) номерами и закодировали тексты таким образом, чтобы оценить синтагматический порядок перечисления качественных характеристик. Оказалось, что 85% анкет содержит в начале описания общую характеристику формы всего описываемого объекта. Существует также слабая тенденция к описанию «сверху вниз» (лоб — брови — глаза — нос и т. п.) — 17%, которой при общем анализе можно пренебречь.

В связи с тем, что среди полученных цепочек кодов мы не нашли ни одной сходной пары с точки зрения порядка перечисления признаков,

можно утверждать, что общим свойством подобных означающих является произвольный (нестрогий) порядок. Это и понятно: как правило, признаки здесь не требуют упорядочения во времени и пространстве.

Анализ синтаксической структуры фракционных означающих показал, что количество предложений, судя по формальным сигналам (точка, точка с запятой) в двух приблизительно равных по количеству словупотреблений текстах, может варьировать в очень значительных пределах: от текста, содержащего формально одно сложносочиненное предложение, до текста из 30—40 предложений. Ср.: *Лицо круглое, глаза серые, ресницы не очень длинные, но довольно густые и темные, рот маленький. Верхняя губа тоньше нижней, нижняя как бы слегка припухла, губы неяркие и т. п. и Лицо круглое. Лоб большой, в форме трапеции. Нос курносый. Глаза голубые. Брови густые и т. п.*

Однако в большинстве случаев (72%) описания содержат серии «существительное + прилагательное» с опущенным глаголом-связкой, сгруппированные по принципу связанности «по смежности» (например, описание в рамках предложения области «глаза — веки — ресницы — брови»). Тот же принцип, судя по «заглавиям» частей текста, данным испытуемыми, лежит и в основе выделения абзацев.

Общая структура описания данного концепта денотативного уровня несколько напоминает структуру дефиниции концепта-десигната. Сходство заключается в том, что в обоих случаях перечисляются признаки *differentia specifica*. Различие же состоит в том, что в дефиниции, как правило, указывается *genus proximum*, а в описании концепта-денотата сохраняется имя вида. При переходе от десигнативного к денотативному уровню при описании концепта «лицо» единичное имя вида разворачивается в означающее — текст, который может состоять из нескольких предложений.

Анализ описаний показывает, что все полученные тексты — означающие денотата — являются отображением на план выражения категории качества (вопрос: какой?) и переходящих в нее категорий количества (вопросы: какой величины?, какого размера?) и пространства (вопросы: где?, в каком месте?, на каком расстоянии?). В общем виде целый текст такого типа, как и единичное прилагательное, отвечает на вопрос «какой?».

Полученные фракционные означающие обладают разной длиной, различаются и на семантическом уровне по количеству-качеству вербализуемых семантических признаков или, обобщенно говоря, глубиной описания. Тем не менее все фракционные знаки, по-видимому, могут рассматриваться как семантические эквиваленты разной степени денотативности. Чрезвычайно различающиеся характеристики количества предложений и, соответственно, длины отдельных предложений в описаниях разных авторов позволяют предположить, что для подобных текстов, в которых связь элементов в единое целое осуществляется по общему концепту-денотату и в которых отсутствуют формальные средства когезии, само понятие «предложение» становится не абсолютным, а относительным, при абсолютном характере целого описания.

Отметим, что рассматриваемые сложные означающие концептов-денотатов, даже «рассыпанные» по частям в синтагматической перспективе «большого» текста (например, литературного произведения), легко интегрируются приемником информации в «текстовый» знак со сравнительно четкими границами (с точки зрения отнесенности к данному концепту-денотату).

Если рассматривать данные «текстовые» знаки в процессе их порождения, оказывается, что речевая деятельность на семантическом уровне предполагает здесь не столько процесс синтеза некоторой пропозиции, сколько процесс анализа нелинейного содержательного объекта средствами языка, своеобразное «сканирование» объекта. Понятно, что обратный процесс (слушание, чтение) предполагает синтез многомерного содержательного объекта-денотата из линейной последовательности-текста с использованием лингвистического и экстралингвистического опыта получа-

етля информации. По сути дела слушатель должен осуществить путь «от суммы концептов-десигнатов к единичному концепту-денотату», обратный пути онтогенеза десигнатов.

12. Эксперимент по описанию стандартного общеизвестного процесса (событие *я жарю яичницу*) дал следующие результаты: описания содержат от 84 до 206 словоформ в зависимости от степени дискретизации события в ситуации, т. е. длина текста варьирует в пределах 2,5. Средняя длина предложения — 8,8 словоформ. Наибольшая средняя длина предложения — 15,3, наименьшая — 3,3 словоформ. Таким образом, средняя длина предложения у разных авторов варьирует в пределах 4,5. 50% текстов насчитывают от 130 до 150 словоформ. Средняя длина текста — 136,2 словоформ.

Анализ описаний показал, что простые события имеют сравнительно строгий временной порядок следования в ситуации и, соответственно, в тексте: этот факт был предсказуем теоретически. Наибольший интерес представляет факт использования испытуемыми различных масштабов дискретизации ситуации (ср. [11, с. 109]). Покажем это, сопоставив два примера. В одном описании говорится: *Зажигаю газ*. В другом: *Достаю коробок спичек из ящика кухонного стола. Перекалдываю его из правой руки в левую. Большим пальцем левой руки выдвигаю внутреннюю часть коробка, а указательным и большим пальцами правой руки достаю одну спичку и перекалдываю, если это необходимо, ее таким образом, чтобы головка спички не была зажата пальцами. Чиркаю спичкой о боковую поверхность коробки. Если спичка не зажглась или сломалась, выбрасываю ее в спичечницу, беру новую и повторяю предыдущие действия. Спичка зажглась... и т. д.*

По сути дела, предложение *Зажигаю газ* является означающим события, содержательно эквивалентного ситуации, означающим которой является целый текст. Признание за предложением статуса знаковой единицы необходимо ведет к признанию аналогичного статуса и за содержательно эквивалентным этому предложению текстом. Можно предположить, что знаковые границы текста-ситуации задаются содержательным объемом соответствующего обобщающего события. Материал показывает также, что количество предложений в двух равных (по степени дискретизации события) текстах варьирует в значительных пределах, что вновь убеждает нас в том, что предложение является не абсолютной, а относительной знаковой единицей. Абсолютные же границы знака-высказывания задаются соответствующей содержательной единицей (событие, концепт) и могут иметь формально различную длину.

13. Перейдем теперь к обобщенному анализу результатов сопоставления вероятностно-семантической модели «торгового события» с текстами описаний такого события (путь от события к форме выражения). Каждому содержательному компоненту события был приписан номер, после чего мы провели кодировку текстов, т. е. последовательный поиск реализации каждого данного компонента по всей длине отдельного текста. В рамках 35 исследованных текстов (один текст описывает несостоявшееся событие) мы не отметили случаев отсутствия кода для какого-либо фрагмента текста, что свидетельствует в пользу принятого подхода. Результатом кодировки явились упорядоченные цепочки символов, отражающие синтагматическую последовательность реализаций в речи семантических компонентов многомерной модели события.

Анализ семантических кодов и обратное сопоставление их с моделью события показывают: а) тексты отображают событие на обобщенном уровне, причем от текста к тексту меняется как общее соотношение вербализуемых и имплицитных семантических компонентов события (степень детальности описания, коррелирующая со степенью «денотативности»), так и качественный набор вербализуемых компонентов; например, компонент «продавец» эксплицируется только в 45% текстов; б) все тексты в разном соотношении вербализуют как компоненты эндоструктуры события, так и его экзоструктурные связи; не отмечено ни одного текста, где эксплицировалась бы только эндоструктура; принимая во внимание

результаты экспериментов по моделированию события, можно полагать, что «контекст» эндоструктуры события, состоящий из предшествующего и последующего событий, является некоторой обязательной константой подобного высказывания; в) прослеживается общая тенденция разворачивать событие в синтагматической перспективе текста по схеме «предшествующее событие» + «торговое событие» + «последующее событие»; в то же время такую последовательность реализуют в «чистом виде» менее половины текстов. Отмечены тексты, построенные по схеме «торговое событие» + «предшествующее событие» + «последующее событие», а также тексты, содержащие непоследовательное изложение: «торговое событие» + «последующее событие» + «предшествующее событие» + «торговое событие» (продолжение) + «последующее событие» (продолжение) и др.

14. При таком подходе, как и в случае с описанием концепта, синтез высказывания предполагает расчленение многомерного содержательного объекта-события, его «сканирование» языковыми средствами. Синтагматический порядок такого «сканирования» сравнительно произволен.

Что касается соотношения события и предложения, то оказывается, что элементарное событие, как правило, выражается простым предложением (*Он повернул голову*), однако простое предложение может вербализовать и более одного события. Так, предложение *Он опоздал по болезни* может на событийном уровне интерпретироваться как *Он болел* (причина) — (следствие) *Он опоздал*.

15. Поскольку единичное событие может проецироваться на план выражения с разной степенью детализации в пределах от простого нераспространенного предложения до текста, следует предположить, что уровень детальности отображения события в речи определяется предполагаемой степенью информированности данного собеседника. «Семантическая деятельность» слушателя или читателя всегда заключается, в частности, в том, чтобы исходя из собственной системы обобщенных (потенциальных) и реальных событий, дополнять то, чего формально не сказано отправителем информации, но что он имел в виду, оценивая информированность слушателя. Отсюда следует, что массовая коммуникация (радио, пресса, художественная литература) ориентируется на некоторый усредненный уровень, исключающий как семантическую избыточность, так и семантическую недостаточность.

Кроме того, следует предположить, что именно наличие в памяти человека готовых событийных структур позволяет объяснить факт моносемантизации новой синтагматической цепи асимметричных лингвистических знаков приемником сообщения, упорядочивания непоследовательных высказываний на содержательном уровне, использования «догадки» о значении неизвестного слова при изучении иностранного языка, функционирования семантических механизмов метафоры, окказионального значения и др. Действительно, валентностная модель не обладает достаточной объяснительной силой при анализе перечисленных феноменов.

16. Сделаем некоторые выводы. Проекция содержательных единиц на план выражения с использованием психолингвистического эксперимента позволяет выделять знаки по означаемому. К числу означающих таких знаков, в зависимости от степени денотативности означаемого, могут относиться разноразмерные по синтагматической длине единицы. Концепт выражается в речи единицами, варьирующими от слова к тексту, событие — от предложения к тексту, причем глубина описания находится в зависимости от длины такого текста. В естественном языке подобные соотношения существуют между текстом и рефератом, аннотацией и заглавием.

Знаки, получаемые в результате проекции содержательных единиц на план выражения, не всегда совпадают с формальными рамками предложения или абзаца. Тем не менее их границы могут быть достаточно точно определены по содержательному критерию и объективизированы психолингвистическим экспериментом.

Исследования в области соотношения семантики отражения и семантики высказывания дадут, очевидно, возможность ответить на вопрос

о степени зависимости структуры высказывания от реализации как лингвистических, так и экстралингвистических закономерностей. При таком подходе становится возможным изучение трансформационных возможностей языка в границах иерархии разноразмерных единиц, в том числе и за формальными рамками предложения, анализ вопросов глубинного (семантического) синтаксиса на основе такой иерархии, экспериментальная оценка степени адекватности описания денотата в зависимости от длины означающего и его лексико-синтаксических характеристик, а также обсуждение некоторых теоретических проблем на стыке гуманитарных областей знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Синтаксис.— В кн.: Общее языкознание. М., 1972.
2. Ибраев Л. И. Надзнаковость языка (к проблеме соотношения семиотики и лингвистики).— ВЯ, 1982, № 1.
3. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.
4. Гак В. Г. Высказывание и ситуация.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.
5. Шахнарович А. М. К проблеме психолингвистического анализа детской речи: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1974.
6. Выготский Л. С. Мышление и речь. Психологические исследования. М.— Л., 1934.
7. Гак В. Г. О двух типах знаков в языке (высказывание и слово).— В кн.: Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». М., 1967.
8. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
9. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста.— ИАН СЛЯ, 1983, № 4.
10. Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М., 1982.
11. Dijk T. A., van. Text and context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. London and New York, 1980.
12. Маркс К. Дебаты шестого Рейнского ландтага.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 55.
13. Свечников Г. А. Движение — способ существования материи.— В кн.: Пространство, время, движение. М., 1971.
14. Гумбольдт В. фон. О различии организмов человеческого языка и влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859.
15. Заде Л. А. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решений.— Математика сегодня, 1974, № 7.
16. Пиаже Ж., Инельдер Б. Генезис элементарных логических структур. М., 1963.
17. Москальская О. И. Семантика текста.— ВЯ, 1980, № 6.
18. Леонтьев А. Л. Психолингвистический аспект языкового значения.— В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.